

Подсознательное и его патология.

Въ различныхъ отвѣтныхъ двигательныхъ реаціяхъ человѣка на вѣнчнія раздраженія и на собственныя переживанія рѣзко обособляются двѣ категоріи ихъ, несомнѣнныя для представителей весьма несходныхъ взглядовъ на сущность нашей психической дѣятельности. Это, *во-первыхъ*, сознательные и могущіе быть мотивированными движения, дѣйствія и поступки; *во-вторыхъ*, рядомъ съ этимъ стоитъ множество двигательныхъ актовъ различной сложности, совершающихся помимо сознанія и сводящихся на рефлекторныя отвѣтныя реаціи, о которыхъ мы можемъ знать или не знать. Но это схематическое подраздѣленіе не исчерпываетъ собою всей сложности механизма нервно-психической дѣятельности человѣка. Даже если мы будемъ придерживаться этой простой схемы подраздѣленія нашихъ отвѣтныхъ моторныхъ реацій на сознательныя и рефлекторно-автоматическія, то и при этомъ условіи должны отмѣтить, что освѣщеніе сознаніемъ воспринимаемаго нами неодинаково по отношенію къ разнымъ объектамъ, достигающимъ сознанія.

Можетъ быть, ничтожная сравнительно часть того, что проникаетъ въ данный моментъ въ поле сознанія, воспринимается нами наиболѣе отчетливо и ярко, остальное же остается въ сферѣ наименьшаго освѣщенія сознаніемъ; а то, что было захвачено лишь краемъ или периферіей сознанія, часто является недоступнымъ для воспроизведенія въ сферѣ наиболѣе ярко освѣщенаго поля сознанія. Но возникаетъ вполнѣ естественный вопросъ: то, что мы называемъ полемъ сознанія, имѣть ли рѣзкія границы и рѣзкія очертанія или оно постепенно сливаются съ чѣмъ-то, куда тоже проникаютъ вѣнчнія вліянія, не оставляющія слѣда, даже слабаго, въ сферѣ сознанія? И здѣсь

мы подходимъ уже наиболѣе близко къ тому, что относится къ области подсознательного. Тамъ, гдѣ исчезли самые слабые признаки сознательности, внѣшнія раздраженія проникаютъ все-таки въ нашъ нервно-психическій механизмъ, но здѣсь, въ подсознательномъ, эти внѣшнія раздраженія находятся не въ хаотическомъ состояніи, не образуютъ простого и беспорядочнаго склада энержіи, воспринятой чрезъ органы чувствъ и подѣйствовавшей на нервную систему. Тутъ сказывается, помимо дѣятельности сознанія, координирующая и комбинирующая силы чего-то, проявляющаго себя рядомъ съ сознаніемъ. Наше сознательное «я», стремящееся къ господству при помощи разума надъ всѣми нервно-психическими актами, не склонно сразу признать дѣятельность, совершающуюся рядомъ съ нимъ и близъ него и относящуюся къ области подсознательного. Можно даже сказать, что сознательное «я» находится здѣсь до нѣкоторой степени въ состояніи иллюзіи, ибо намъ не такъ легко помириться съ тѣмъ, что на наши сознательные и произвольные поступки очень и очень часто оказываетъ вліяніе что-то, что нелегко или совсѣмъ не улавливается сознаніемъ.

Намъ могутъ возразить, что разъ это недоступно сознанію, то это что-то неуловимое, пожалуй, и вовсе не существуетъ и не заслуживаетъ ни изученія, ни стремленія къ знакомству съ нимъ.

Воспринимающіе органы чувствъ оказываютъ на нашу нервную систему несравненно большее вліяніе, чѣмъ это можно бы предполагать съ первого раза. Напримѣръ, если до сознанія доходятъ чрезъ органъ зрѣнія лишь опредѣленные размахи волнъ эаира, то ни въ какомъ случаѣ нельзя утверждать, по нашему мнѣнію, что, по крайней мѣрѣ, близъ предѣловъ нами воспринимаемаго, но по ту сторону ихъ, не происходятъ колебанія эаира, достигающія до нервной системы. То же самое можно сказать и относительно колебаній воздуха, дающихъ слуховыя ощущенія: вполнѣ вероятно, что воздействиѣ на нашу нервную систему чрезъ органъ слуха гораздо обширнѣе и не ограничивается опредѣленной частотой колебанія воздуха. Это же толкованіе мы можемъ распространять и на другіе органы чувствъ, гдѣ отмѣчаемое сознаніемъ составляетъ часть того воздействиѣа, которое достигаетъ нашей нервной системы чрезъ органы чувствъ.

Это будетъ одна часть материала, питающаго подсознательное. Далѣе, въ него погружается; въ немъ систематизируется,

помимо участія сознанія, и безконечная масса прошедшаго чрезъ сознаніе, при той или другой степени яркости и ясности, того, что часто забыто нами и не можетъ быть возстановлено при воспоминаніяхъ. Въ подсознательномъ находятъ себѣ прочный пріютъ множество мимолетныхъ впечатлѣній, часто почти нами не замѣчаемыхъ, обычно игнорируемыхъ; въ немъ остаются слѣды дѣтскіхъ перевѣживаній.

И весь этотъ огромный материалъ приводится, повидимому, въ систему какою-то силою; причемъ создается нечто организованное, но небезпорядочно дѣйствующее; это и будетъ подсознательное, существующее рядомъ съ нашою сознательною дѣятельностью.

Какимъ же образомъ мы могли бы обосновать доказательства известной организованности подсознательного? Для этого нужно остановиться сначала на наиболѣе простыхъ примѣрахъ, гдѣ ясно выступаетъ опредѣленная роль подсознательного. Если вы спускаетесь съ лѣстницы и въ это время ведете съ кѣмъ-нибудь оживленный разговоръ, на которомъ концентрировано ваше вниманіе, то вашими движеніями руководить подсознательное. Вы, сами того не замѣчая, продолжаете сходить съ одной ступеньки на другую; въ случаѣ препятствія, вы можете, не прерывая разговора, обойти это препятствіе, не оставляющее иной разъ никакого, казалось бы, слѣда въ вашихъ воспоминаніяхъ.

Здѣсь едва ли можно говорить о простомъ рефлекторномъ актѣ. Другой примѣръ: вы переходите черезъ многолюдную и съ большимъ движеніемъ улицу и въ то же время заняты чѣмъ-нибудь; вы во-время остановитесь, вы можете никого не задѣсть; словомъ, вы сдѣлаете это иной разъ ничуть не хуже, чѣмъ если бы дѣлали это при полномъ сосредоточеніи своего вниманія только на этомъ именно. Едва ли это будутъ простые рефлекторные акты.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ чѣмъ-то болѣшимъ, чѣмъ послѣдніе; здѣсь существуетъ и сказывается опредѣленнымъ образомъ не простая рефлекторность, а цѣлесообразность, обнаруживающаяся не однимъ только автоматизмомъ, но приспособляющаяся къ измѣняющимся виѣшнимъ условіямъ.

Помимо вашей воли руководить въ этихъ примѣрахъ подсознательное, дающее знать о себѣ съ виѣшней стороны обереганіемъ васъ. Такихъ примѣровъ можно бы привести очень много;

и каждый изъ насъ имѣеть ихъ много въ своемъ запасѣ воспоминаній. Я хотѣлъ бы лишь дать имъ опредѣленное освѣщеніе и опредѣленное толкованіе, выясняющее мою точку зрѣнія.

Всякій разъ, когда вниманіе занято чѣмъ-либо однимъ и когда оно отвлечено отъ текущихъ впечатлѣній, подсознательное выступаетъ руководителемъ нашихъ дѣйствій, направляя ихъ въ ту или иную сторону; но тутъ часто обнаруживается, что вы подъ давленіемъ подсознательного сдѣлаете то, съ чѣмъ сознательно не соглашаетесь. Человѣкъ, занятый обсужденіемъ чего-нибудь и приковавшій свое вниманіе къ обдумыванію чего-нибудь, можетъ, идя по улицѣ, взять не то направленіе, которое ему нужно, свернуть не туда, куда ему нужно въ данный моментъ. Но если проанализировать это ошибочное дѣйствіе, принимаемое за таковое сознаніемъ, то можетъ оказаться, что оно явилось не простою случайностью и что оно было совершено подъ вліяніемъ импульса, исходившаго изъ подсознательного. Можетъ быть, при анализѣ этого ошибочного дѣйствія вамъ удастся убѣдиться въ томъ, что оно было продиктовано, напримѣръ, тѣмъ, что вамъ было непріятно въ сущности ити туда, куда вы шли, руководясь сознаніемъ,—тѣмъ иной разъ, что какъ будто это ошибочное дѣйствіе совпадало съ устраненіемъ чего-то непріятнаго для васъ, хотя сознаніе говорило, что оно ошибочно. Слѣдовательно, это ошибочное дѣйствіе—не простой рефлекторно-автоматический актъ, а заключающій въ себѣ элементы соблюдения помимо вашей воли вашихъ интересовъ, хотя вы съ этимъ и не соглашаетесь. Вотъ такого-то рода ошибочные дѣйствія и служатъ выражениемъ подсознательного, какъ руководящаго момента въ этихъ случаяхъ.

Возьмемъ еще примѣръ: въ суетѣ и суетолокѣ трамвайного движения нерѣдко приходится быть свидѣтелемъ спора кого-либо изъ публики съ кондукторомъ изъ-за сдачи мелкихъ можетъ; очень часто это происходитъ оттого, что получившему сдачу показается, что онъ получилъ меныше, чѣмъ ему слѣдуетъ. Экспансивный пассажиръ (или особенно пассажирка) тутъ же и выскажетъ свое мнѣніе, при провѣркѣ же обнаружится, что онъ ошибся. Отрѣшившись отъ того, что здѣсь была какая-либо преднамѣренность, мы можемъ предположить, что ошибка въ счетѣ полученной сдачи произошла отъ того, что подсознательное, иногда черезчуръ заботливое о нашихъ интересахъ,

подсказало ошибочные мысли и ошибочные действия; т.-е., тѣ и другія въ данномъ примѣрѣ являются не случайными; и вмѣшательство сознанія должно ихъ устранить.

Отсюда можно сдѣлать заключеніе, что между сознательнымъ «я» и подсознательнымъ существуетъ нерѣдко какая-то противоположность и что часто между ними нѣтъ полной гармоніи. И это дѣйствительно такъ на самомъ дѣлѣ; подсознательное даетъ импульсъ къ обнаружению въ нашихъ поступкахъ по преимуществу примитивно-эгоистическихъ сторонъ личности, нерѣдко подавленныхъ побужденій и неисполненныхъ желаній; при этомъ, сознаніе отрицаетъ часто эти поступки, отличающіеся наивностью или даже моральной грубостью.

Надъ ними, если дѣло не касается обереганія и защиты физического организма, нуженъ постоянный контроль сознанія, его руководящее господство. Вотъ почему нашъ разумъ въ одномъ рядѣ поступковъ, продиктованныхъ подсознательнымъ, не заявляетъ своего протesta и одобряетъ ихъ цѣлесообразность; въ другихъ случаяхъ онъ возмущается импульсами изъ подсознательного, стремится заглушить ихъ, ибо онъ видитъ часто въ нихъ отсутствіе проявленія элементарной общественности. Слѣдовательно, нужно констатировать фактъ существованія нерѣдкихъ конфликтовъ между сознательнымъ «я» и подсознательнымъ. Послѣднее имѣеть въ себѣ также нѣкоторую основу, переходящую изъ поколѣнія въ поколѣніе, являющуюся какъ бы родовымъ признакомъ, такъ мало измѣняющимся при наследственной передачѣ на протяженіи нѣсколькихъ, можетъ быть, тысячелѣтій. Культурное совершенствованіе человѣчества, накопленіе этическихъ представлений, ихъ усложненіе,—все это ведетъ къ тому, что антисоціальная и грубо-индивидуальная проявленія подсознательныхъ импульсовъ легче и быстрѣй подавляются при обычныхъ, по крайней мѣрѣ, условіяхъ общественной жизни. Но всегда, при всѣхъ случаяхъ, гдѣ подавляется благородѣтельное, тормазящее и сдерживающее вліяніе разумныхъ сторонъ сознательного «я», подсознательное даетъ знать о себѣ и часто во всей своей непримѣрной откровенности затаенныхъ побужденій и стремленій. Это можно подтвердить какъ при анализѣ нѣкоторыхъ поступковъ отдельного индивидуума, напримѣръ, при нѣкоторыхъ аффективныхъ состояніяхъ, когда сила или утрачиваетъ свое вліяніе разума или когда

имѣется прирожденный недостатокъ морального чувства; это же можно доказать, анализируя колективные поступки какой-либо общественной или даже национальной единицы, когда въ періодъ нарушения общаго аффективнаго равновѣсія можетъ неожиданно обнаружиться наивная грубость и даже жестокость, обусловленная родовыми биологическими признаками подсознательного, измѣнить которые кореннымъ образомъ не въ состояніи даже культура самая высокая съ вѣшней стороны. Многіе изъ составныхъ элементовъ этихъ родовыхъ биологическихъ признаковъ относятся къ группѣ такъ называемыхъ психическихъ пережитковъ, т.-е. тѣхъ проявленій, которыхъ имѣютъ въ своей основѣ ненужныя и лишнія части въ нашемъ нервно-психическомъ механизме, бесполезныя для человѣка, такъ отдаленного отъ другихъ звеньевъ зоологической лѣстницы.

Подсознательное даетъ знать о себѣ или, вѣрнѣе, оно начинаетъ влиять на наши поступки и дѣйствія всюду, где устраивается или прекращаетъ свою дѣятельность наше сознаніе; тутъ подсознательное подсказываетъ намъ то или иное решеніе, тотъ или иной выборъ. Напримѣръ, если вы сдѣлаете попытку написать или назвать или вызвать въ сознаніи у себя какое-нибудь имя собственное опредѣленнаго внутренняго содержанія, если вы устраните при этомъ ваши сознательныя и волевые побужденія, то подсознательное подскажетъ вамъ это имя собственное, оно навязжетъ вамъ его незамѣтно, словно нечаянно. При привѣркѣ же того, почему появилось въ полѣ сознанія это имя собственное, а не другое, окажется, что это была не случайность, что вы какъ будто бы лишены возможности вызвать произвольно въ сознаніи первое попавшееся имя собственное; иными словами, выборъ безъ участія сознанія будетъ зависѣть отъ какихъ-то причинъ, отъ содержанія того, что относится къ области подсознательного, ибо тутъ вы попадаете въ сферу его влиянія. Наше сознаніе, узнавъ иной разъ неожиданно для себя, что въ его полѣ появилось именно данное имя собственное, а не другое, можетъ запротестовать, даже согласиться не сразу съ разгаданной мотивировкой; здѣсь мы встрѣчаемся часто съ своеобразной иллюзіей нашего сознательного «я», не желающаго уступить своего господства даже въ такихъ случаяхъ кому-то другому.

Расшифрованіе замаскированныхъ вліяній изъ подсознательного не всегда удается легко; иной разъ мѣшаетъ этому

само наше сознаніе, не миращеся съ тѣмъ, что человѣкъ является здѣсь не свободнымъ въ выборѣ; эти вліянія подсознательного бываютъ различнаго содержанія у каждого въ зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей, материала, хранящагося въ подсознательномъ, въ зависимости отъ того, что въ немъ является наиболѣе стремящимся къ обнаруженію.

Еще примѣръ: если бы кто-нибудь пожелалъ написать, не дѣлая для этого сознательно волевыхъ усилий, два числа изъ одной, двухъ, трехъ цифръ безразлично, то окажется, что тутъ нѣтъ случайности; здѣсь выборъ не будетъ свободнымъ, ибо подсознательное дастъ знать о себѣ и подскажетъ тѣ цифры, которыхъ вы собирались было написать наугадъ. Нужно безпристрастно - объективное отношеніе сознанія къ данному факту, нужно отрѣшиться отъ иллюзорно - скептическаго элемента нашего сознательного «я», чтобы разгадать тайну того, что исходило изъ подсознательного и что связано нерѣдко съ интимными переживаніями или съ узко-эгоистичными мечтаніями данного индивидуума, съ его тайными пожеланіями, иногда отмѣчавшимися, къ его неудовольствію, мимолетно въ сознаніи. Какими же именно мотивами будетъ диктоваться здѣсь, въ приведенномъ примѣрѣ, навязанный выборъ, исходящій изъ подсознательного? Это зависитъ отъ особенностей послѣдняго въ каждомъ отдельномъ случаѣ; тутъ проявлять себя мотивы иной разъ грубо-индивидуальные: затаенное и невысказываемое желаніе материальныхъ благъ, тутъ нерѣдко даютъ знать о себѣ какіе-нибудь сексуальные элементы и т. д.; словомъ, здѣсь можетъ проявить себя, неожиданно и къ удивленію, узко - индивидуальное и эгоистическое ядро личности, подавляемое во время воспитанія другими и во время сознательной жизни самимъ субъектомъ.

Мы указали на одинъ изъ способовъ ознакомленія съ подсознательнымъ, на одинъ изъ способовъ обнаруженія и доказательства его реальности. Существуетъ и другой рядъ фактовъ, пригодныхъ для этой же цѣли. Вотъ, напримѣръ, если по возможности устраниТЬ изъ сознанія въ данный моментъ всякое произвольно-волевое усилие и наблюдать за тѣмъ, что вспыхиваетъ въ полѣ сознанія, то можетъ оказаться, что среди кажущагося хаоса мыслей и представлений,ничѣмъ какъ будто не руководимыхъ и возникающихъ часто въ беспорядкѣ другъ за другомъ, имѣется известное и, притомъ, идущее въ опредѣ-

ленномъ направлениі вліяніе; оно исходить при этихъ условіяхъ изъ подсознательного, съ его колосальнымъ запасомъ нервной энергіи, но организованной и чѣмъ-то объединенной. Вспылаютъ въ полѣ сознанія, при устраниеніи волевыхъ усилий, прежде всего тѣ мысли и представлениія, которые сочетаны съ наиболѣе яркими желаніями и влечениіями, то неисполненнымъ, то подавленными сознательно подъ вліяніемъ воспитанія, культуры и голоса морального чувства. Впрочемъ, содержаніе этихъ вспылающихъ въ полѣ сознанія мыслей и представлений при устраниеніи волевыхъ усилий будетъ безконечно разнообразно въ отдельныхъ случаяхъ; оно не одинаково бываетъ и у одного и того же индивидуума въ различные моменты его сознательной жизни, когда личность его считается болѣе или менѣе установившейся. Если исполнено какое-либо желаніе, то оно не заявить о себѣ въ этихъ условіяхъ, уступая мѣсто другому, которое занимаетъ слѣдующее по интенсивности мѣсто. Здѣсь, слѣдовательно, сказывается уже известная организованность, известная система, часто не знакомая сознательному «я» или неожиданно имъ открываемая. Въ этихъ случаяхъ человѣкъ можетъ иногда хорошо ознакомиться съ сокровенными тайниками своей души, спрятанными не только отъ любопытнаго взора постороннихъ, но и скрытыми нерѣдко отъ своего сознательнаго «я». Тутъ встрѣчаются, повидимому, неожиданности нечаянного знакомства съ нѣкоторыми сторонами самого себя; тутъ мы имѣемъ даже элементы для познанія самого себя. У лицъ, привыкшихъ къ самоанализу собственныхъ переживаний и обладающихъ къ тому же хорошо развитымъ моральнымъ чувствомъ, эти неожиданности, эти противорѣчія между сознательнымъ «я» и подсознательнымъ могутъ постепенно слаживаться; у учителей человѣчества, у учителей-моралистовъ этихъ коллизій между сознательнымъ «я» и подсознательнымъ можетъ совсѣмъ почти не быть. Для этого нужна уже идеальная ступень нравственного совершенства, гдѣ эгоистическая побужденія и влечениія вытесняются или сводятся къ minimum'у даже въ подсознательномъ. Въ этихъ рѣдкихъ, конечно, случаяхъ самый высокій и безкорыстный альтруизмъ играетъ главную роль; подъ его руководящимъ вліяніемъ происходитъ нелегко удающееся обузданіе подсознательного, являющагося представителемъ узко-индивидуальныхъ и элементарно-эгоистическихъ сторонъ

человѣка. Изъ этого мы можемъ сдѣлать заключеніе, что не только, какъ это бываетъ чаще, повидимому, подсознательное проявляеть себя въ качествѣ неразумнаго защитника многихъ индивидуальныхъ интересовъ, но иной разъ сознательное «я» оказываетъ на подсознательное свое особое вліяніе, заключающеся даже въ реформированіи его, въ устраненіи коллизіи между нимъ и сознательнымъ «я». Въ этихъ случаяхъ достигается тѣмъ большая степень душевнаго равновѣсія, чѣмъ менѣе упомянутыхъ коллизій. Это будетъ положительное душевное равновѣсіе, самое желательное и самое полезное въ соціальномъ отношеніи, ибо даже въ подсознательномъ слаживаются элементы антисоціальныхъ импульсовъ. Полною противоположностью этого будутъ моральные инвалиды, у которыхъ также нѣтъ, можетъ быть, столкновеній между сознательнымъ «я» и подсознательнымъ, но которые обладаютъ обычно отрицательнымъ душевнымъ равновѣсіемъ, обусловленнымъ тѣмъ, что личность является рабски подавленной животно-инстинктивными побужденіями, выражающимися часто въ антисоціальныхъ поступкахъ и дѣйствіяхъ.

Если не самое подсознательное, то содержимое его распознается и по содержанію сновидѣній, хорошо иногда сохраняющихся въ воспоминаніяхъ. Здѣсь имѣется нѣчто сходное съ тѣмъ, что наблюдается при появлении въ полѣ сознанія мыслей и представлений, когда устраниется всякое волевое усиленіе; какъ здѣсь, такъ и тамъ, при переживаніяхъ во время сна можно предполагать нѣчто однородное и аналогичное.

Подсознательное проявляеть себя при специальныхъ экспериментально-психологическихъ изслѣдованіяхъ, какъ-то: при такъ называемомъ ассоціативномъ экспериментѣ, когда испытуемому предлагается въ отвѣтъ на произнесенное слово сказать первое слово, приходящее на умъ. Оно понятно само собою, что подсознательное обнаружитъ себя въ данномъ случаѣ, когда испытуемый долженъ отвѣтить, не напрягая своего вниманія и не употребляя никакого волевого усиленія; ясное дѣло, что въ этомъ случаѣ будетъ, если опытъ поставленъ должнымъ образомъ, руководство, обязательное и неизбѣжное со стороны подсознательного. Даже этимъ путемъ узнается иногда, въ патологическихъ случаяхъ въ особенности, содержаніе подсознательного, остающееся скрытымъ и недоступнымъ въ наиболѣе существенныхъ своихъ частяхъ для освѣщенія свѣтомъ сознанія...

Съ точки зрења ученія о подсознательномъ можно объяснять, болѣе или менѣе удовлетворительно, цѣлый рядъ явленій изъ области патологіи человѣческаго духа; это касается нѣкоторыхъ общераспространенныхъ фактовъ, относящихся къ душевнымъ болѣзнямъ, такъ и отдѣльныхъ формъ болѣзней или ихъ признаковъ, взятыхъ въ отдѣльности. Съ этой точки зрења, переживанія въ формѣ бреда того или иного содержанія или обманы со стороны органовъ чувствъ будутъ не случайны по своему виѣшнему выраженію, а диктуются изъ области подсознательного, т.-е. будутъ не такъ уже безсмысленны, какъ это можетъ показаться, если не разматривать ихъ съ этой точки зрења. Очень часто, при болѣзненномъ разстройствѣ сознанія, человѣкъ погружается въ своего рода сонъ на яву, будучи отрѣшеннымъ отъ текущей дѣйствительности, вслѣдствие именно подавленія сознательного «я»; и въ этихъ случаяхъ замѣстителемъ его является по необходимости, если можно такъ выразиться, «alter ego» низшаго порядка со всѣми своими узкоиндивидуальными и эгоистическими побужденіями. Не даромъ въ психопатологіи приходится встрѣчаться съ аномальными и сноподобными переживаніями въ видѣ своеобразнаго мышленія, оторваннаго отъ реальной окружающей жизни и выраждающагося въ формѣ аутизма, почему можно говорить даже объ аутистическомъ мышленіи.

Другой фактъ, также общаго характера: такъ какъ коллизіи между сознательнымъ «я» и подсознательнымъ составляютъ обычное явленіе и такъ какъ, при этомъ, импульсы изъ области подсознательного и то, что они пробуждаютъ въ сознаніи, нѣрѣдко послѣднимъ не признается или отвергается, какъ носящее элементы антисоціальные, то эти импульсы могутъ быть подавлены и удалены въ нормальномъ состояніи въ подсознательное; кроме того, та же участъ можетъ постигать и многое, что является въ своихъ виѣшнихъ проявленіяхъ даже полезнымъ въ общественномъ отношеніи, но что подавляется потому, что складъ культуры и предразсудки мѣшаютъ этимъ проявленіямъ. При душевныхъ болѣзняхъ, когда ослабѣваетъ или почти устраивается сознательное «я», энергія, хранящаяся въ подсознательномъ, ничѣмъ не обузданная, находить свое разряженіе; при этомъ, все, что раньше подавлялось особенно энергично и настойчиво и что не находило прежде своего, подчасъ закона, про-

и дозволительного, осуществлениія, при устраниеніи сознанія будеть давать знать о себѣ въ первую очередь и нерѣдко въ болѣе бурной формѣ, словно освободившагося протеста, когда-то затаеннаго. Этимъ отчасти можетъ быть объясненъ тотъ установленный фактъ, что въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ бываетъ почти всегда въ общемъ шумнѣе въ женскихъ, чѣмъ въ мужскихъ отдѣленіяхъ. Вѣдь, духовная проявленія женщины, даже въ культурныхъ странахъ, еще до сихъ поръ подавляются больше, чѣмъ у мужчинъ, и понятно само собою, что при заболѣваніи, когда устраняется сдерживающее вліяніе сознательнаго «я», будетъ замѣтнѣе проявленіе подсознательнаго, получившаго особенную самостоятельность.

Затѣмъ, интересъ представляетъ тотъ фактъ, что при разстроенному или устранинномъ сознаніи, человѣкъ можетъ обнаруживать большую физическую силу; этому способствуетъ иногда именно самостоятельная дѣятельность подсознательнаго, безъ участія или при слабомъ контролѣ сознанія. Послѣднее на обнаружение мышечной силы оказываетъ тормазящее и сдерживающее вліяніе. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, пришедший въ состояніе рѣзкаго аффекта, напр., патологического гнѣва, можетъ проявить въ данный моментъ такую силу, какую онъ не въ состояніи проявить, когда онъ находится въ полномъ сознаніи. Тутъ человѣкъ не замѣчаетъ усталости при мышечныхъ напряженіяхъ; это подтверждается хорошо при анализѣ нѣкоторыхъ экстатическихъ состояній; это подтверждается на тѣхъ состояніяхъ, которыя привыкаютъ вызывать у себя факиры. Во всѣхъ этихъ случаяхъ устраивается временно сознательное «я», этотъ тормазъ для проявленій подсознательнаго.

При устраниеніи сознательнаго «я» человѣкъ иной разъ можетъ обнаружить поразительную ловкость въ своихъ движеніяхъ, недоступную вовсе тому же индивидууму, если сознаніе его вполнѣ бодрствуетъ. Извѣстны случаи, когда при сумеречномъ состояніи сознанія или при сомнамбулизмѣ человѣкъ можетъ проявить сложную систему дѣйствій, носящихъ характеръ акробатическихъ или напоминающихъ обезьяньи ухватки. Все это возможно лишь при полной самостоятельности подсознательнаго, неотъемлемою частью котораго будуть и „психическіе пережитки“. Я приведу описание одного случая, близкимъ свидѣтелемъ котораго мнѣ пришлось быть однажды. Простая, не-

уклюжая физически, небольшого роста фабричная работница, находясь въ периодѣ разстроеннаго сознанія, выскочила черезъ верхнюю форточку двойныхъ рамъ въ большомъ окнѣ большого каменнаго дома; и такъ какъ это было въ нижнемъ этажѣ, она, не разбивъ ни одного стекла, оказалась въ помѣщеніи. Затѣмъ, довольно быстро вскарабкалась, какъ обезьяна, по водосточной трубѣ на крышу большого двухэтажнаго дома, откуда ловко поднялась по высокой печной трубѣ, возвышавшейся надъ крышей, и попала въ трубу. Я потому остановился на нѣкоторыхъ деталяхъ этого наблюденія, что оно подтверждаетъ существованіе своеобразныхъ, пережитковъ заложенныхыхъ въ нашей нервной системѣ иничѣмъ не обнаруживающихся, пока бодрствуетъ сознаніе. Это какіе-то остатки частей нервно-психического механизма весьма отдаленного прошлаго въ происхожденіи и развитіи человѣка. Эти пережитки можно бы сравнить съ соматическими остатками въ нашей физической организаціи, напр., не только съ безполезнымъ, но и съ вреднымъ для здоровья червевобразнымъ придаткомъ на слѣпой кишкѣ, являющимсяrudиментомъ, имѣющимъ цѣлесообразнаго аналога на другихъ ступеняхъ зоологической лѣстницы.

Можетъ быть, «психические пережитки», тѣсно сплетенные съ дѣятельностью подсознательного, болѣе распространены въ нашемъ нервно-психическомъ механизме, чѣмъ это кажется съ первого взгляда. Огромный материалъ для знакомства съ подсознательнымъ и, можетъ быть, для доказательства его существованія даютъ такія проявленія въ патологіи человѣческаго духа, какъ навязчивыя состоянія и истерические припадки. Здѣсь мы встрѣчаемся не только съ болѣзненными конфликтами между сознательнымъ «я» и подсознательнымъ, но и съ извращенно-символическими образами, доходящими изъ подсознательного до поля сознанія.

Что касается навязчивыхъ психическихъ состояній и, въ частности, навязчивыхъ идей и представлений, а также навязчивыхъ страховъ, то я имѣлъ, уже случай говорить, что все это служитъ обычно, если не всегда, выраженіемъ своеобразной, часто встрѣчающейся прирожденной нервно-психической организаціи; элементарнымъ проявленіемъ ея будетъ довольно распространенный тревожно-мнительный характеръ, гдѣ встрѣчаемся также съ излишнимъ самоанализомъ собственныхъ переживаній

и съ хорошо развитымъ моральнымъ чувствомъ. Вотъ въ связи съ этимъ то тревожно-мнительнымъ или, по современной терминологии, психастеническимъ характеромъ возникаютъ болѣе реальнія и опредѣленныя уже навязчивыя состоянія (идеи, представлія, страхи и т. д.); о нихъ мы можемъ говорить только тогда, когда сознаніе является не затуманеннымъ, когда сохранено критическое отношеніе къ нимъ самого субъекта, ихъ переживающаго. Какъ ужѣ видно изъ этой характеристики психастениковъ, сдѣланной сейчасъ по необходимости въ нѣсколькихъ словахъ, данная нервно-психическая организація несетъ въ себѣ особое предрасположеніе къ болѣзняеннымъ конфликтамъ между сознательнымъ «я» и подсознательнымъ, столь естественнымъ, вообще, какъ я старался показать въ предыдущемъ изложеніи. Подсознательное въ этихъ случаяхъ, пользуясь не всегда достаточнымъ общимъ контролемъ сознательного «я», посыаетъ въ поле сознанія импульсы, выражающіеся здѣсь въ видѣ идей и представлій, таящихъ въ себѣ антисоціальный или даже криминальный характеръ; психастеникъ, замѣчая это, пугается, употребляетъ усиление воли для подавленія проявленій импульсовъ, исходящихъ изъ подсознательного; ему удается такъ или иначе вытѣснить эти представлія изъ сознанія въ подсознательное. Но это не значитъ вовсе, что онъ освободился отъ нихъ: тутъ произошелъ лишь конфликтъ, и, притомъ, не разрѣшенный, между сознательнымъ «я» и подсознательнымъ; вѣдь послѣднее проявило узко-эгоистической побужденія; психастеникъ же обладаетъ хорошо развитымъ моральнымъ чувствомъ. И, понятно, сознательный протестъ съ его стороны оказался особенно энергичнымъ и богатымъ въ смыслѣ затраты аффективнаго элемента. Но одного этого было мало для ликвидации патологического конфликта, о которомъ была сейчасъ рѣчь, такъ какъ насилиственно загнанное въ то же подсознательное снова появляется въ полѣ сознанія, но уже въ модифицированномъ видѣ. Эта модификація произошла потому, что къ первоначальному импульсу изъ подсознательного, напугавшему психастеника, присоединяется уже энергія, связанная съ пережитымъ аффективнымъ состояніемъ субъекта. Если откровенный импульсъ изъ подсознательного оказался совершенно непріемлемымъ для сознательного «я» по своей грубой антисоціальности или даже криминальности, то онъ снова появляется въ

полъ сознанія, но обычно въ видѣ символа, носящаго всѣ признаки навязчиваго (психастеническаго) состоянія, т.-е., возникающаго патологическимъ образомъ противъ воли и желанія субъекта. Послѣдній является здѣсь словно несущимъ наказаніе за антисоціальные импульсы, исходящіе изъ подсознательного. Для поясненія своей мысли я приведу одинъ очень характерный случай, описанный въ литературѣ. Рассказывается объ одномъ кассирѣ, у которого какъ то промельнула въ головѣ, при счетѣ денегъ, однажды мысль о томъ, что хорошо бы скрыться съ имѣющимися у него на рукахъ деньгами въ Америку; кассиръ этотъ испугался того, что у него могло зародиться такое преступное желаніе; онъ сталъ порицать себя за это, волновался; онъ усилиемъ воли подавилъ его и заставилъ скрыться въ подсознательное, какъ нѣчто совершенно непріемлемое для морально-сознательной личности. Но этимъ дѣло не ограничилось: кассира стали беспокоить рѣзко выраженные и мучительныя навязчивыя психическія состоянія; и среди нихъ особенно тревожилъ патологический страхъ площадей и открытыхъ мѣстъ, т.-е., то, что носитъ давнее название агорафобіи. Въ этомъ случаѣ послѣдняя была измѣненнымъ символомъ вытѣсненного преступного мимовольнаго желанія, возникшимъ въ модифицированной формѣ потому, что къ первоначальному переживанію присоединился еще аффектъ, испытанный субъектомъ. Здѣсь же можно говорить о томъ, что навязчивое состояніе въ данномъ случаѣ носить въ значительной степени защитный характеръ. Преступная мысль о поѣздкѣ съ чужими деньгами въ Америку, усложняясь, возникаетъ уже въ формѣ навязчиваго страха пространства.

Такое толкованіе патологического состоянія въ приведенномъ случаѣ носить характеръ гипотезы, гдѣ учение о подсознательномъ можетъ быть примѣнено къ объясненію такихъ своеобразныхъ переживаній, какъ навязчивыя состоянія. Конечно, не во всѣхъ случаяхъ такъ просто и легко устанавливается расшифрованіе странныхъ и болѣзненныхъ символовъ; иной разъ это удается лишь съ большимъ трудомъ, иной же разъ, можетъ быть, почти и невозможно. Мне хотѣлось только подтвердить конкретнымъ примѣромъ свои общія соображенія въ данномъ направленіи и передать яснѣѣ тѣ условія, при которыхъ неразрушенный конфликтъ между сознательнымъ «я» и подсозна-

тельнымъ можетъ повести къ возникновеню навязчивыхъ психическихъ состояній.

При истерическомъ характерѣ, какъ отраженіи своеобразной нервно-психической организаціи, являющейся съ прирожденными основными задатками, подсознательное даетъ знать о себѣ въ причудливо-разнообразныхъ и пестро-курьезныхъ формахъ. Въ этихъ случаяхъ мы встрѣчаемся иногда съ демонстративной диссоціаціей сознательного и подсознательного «я». Часть послѣдняго уходитъ изъ-подъ контроля первого, теряя связь съ нимъ. Вслѣдствіе этого оказывается возможнымъ возникновеніе паралича, напр., той или иной части тѣла, которая, кроме того не доводить до сознанія тактильныхъ и болевыхъ раздраженій. Словомъ данная часть тѣла остается лишь въ вѣдѣніи подсознательного, волевыя же усиленія не могутъ привести въ движение мышцы парализованной части тѣла.

Для истерической психики мы считаемъ характернымъ двѣ особенности: это—патологическая внушаемость и патологическая самовнушаемость. Многое, особенно тягостное въ смыслѣ воздействиія на психическое состояніе, воспринимается при такихъ условіяхъ безъ достаточнаго контроля и анализа со стороны сознанія, т.-е. чисто пассивно: растерявшееся сознаніе, не находящее выхода изъ создавшагося положенія, принимаетъ инстинктивное решеніе, устранить изъ поля сознанія новая впечатлѣнія; это достигается удаленіемъ ихъ въ подсознательное: они забываются, ихъ какъ будто не существовало и не существуетъ для сознанія. Но это не былъ рациональный выходъ изъ создавшагося положенія. Къ удаленнымъ въ область подсознательного непріятнымъ и потрясающимъ впечатлѣніямъ присоединяется часть энергіи, связанной съ аффектомъ, имѣвшимъ мѣсто во время переживанія того события. Удаленное въ область подсознательного непріятное переживаніе при этихъ условіяхъ остается не безразличнымъ для душевнаго равновѣсія: оно заявляетъ о себѣ изъ того-же подсознательного, которое такъ или иначе доведетъ свѣдѣнія о немъ до сознанія; напр., появится какъ бы неожиданный параличъ той или другой части тѣла, зрительная галлюцинація непріятнаго содержанія, но воспринимаемая при совершенно ясномъ сознаніи. При этомъ интересно отметить, что затрудняется или становится невозможнымъ для данного субъекта, въ теченіе того или иного периода времени, воспроиз-

изведеніе въ сознаніи непріятно пережитого, поведшаго къ образованію истерическаго (психогенного) паралича, истерическихъ яркихъ галлюцинацій, судорожныхъ припадковъ и т. д. Получается впечатлѣніе, что нарушается правильное сообщеніе между сознательнымъ «я» и подсознательнымъ въ направленіи, наиболѣе существенномъ для душевного равновѣсія. Нужны особые способы, примѣненіе которыхъ даетъ возможность воспроизвести въ сознаніи забытая впечатлѣнія; и возстановленіе послѣднихъ въ сознаніи можетъ повести даже къ исчезновенію рѣзкихъ истерическихъ явлений, до этого иногда очень бурно протекавшихъ. Вотъ одинъ изъ примѣровъ для поясненія только что высказанной мною мысли: молодая девушка получила въ людномъ мѣстѣ оскорблѣніе дѣйствиемъ и словами отъ человѣка, котораго она не считала способнымъ на такой поступокъ. Заволновавшись и растерявшись, она стала вскорѣ же обнаруживать рѣзкія истерическія явлѣнія: припадки, даже душевное разстройство, среди характерныхъ признаковъ котораго особенно выдѣлялась забывчивость по отношенію къ случившемуся; эта особа совершенно не помнила того, что подѣйствовало на нее столь потрясающимъ образомъ. А это, казалось, она должна была помнить какъ разъ очень хорошо. Ей не удавалось самой припомнить то, что было забыто при патологическихъ условіяхъ; другіе не могли, напоминая ей о случившемся, помочь ей вспомнить то, съ чѣмъ связано было ея заболѣваніе. Удаленное въ подсознательное роковое обстоятельство потеряло связь съ сознательнымъ „я“; оно изолировалось отъ послѣдняго, присоединивъ къ себѣ, однако, часть энергіи, связанной съ аффективнымъ состояніемъ. И только тогда, когда удалось постепенно возстановить нарушенную связь между сознательнымъ „я“ и подсознательнымъ въ данномъ важномъ отношеніи, рѣзкія истерическія проявленія стали проходить.

Патологія душевной дѣятельности даетъ намъ множество примѣровъ, гдѣ мы можемъ предполагать нарушеніе взаимоотношенія между сознательнымъ „я“ и подсознательнымъ; и это нарушеніе обнаруживается при различныхъ условіяхъ, отчего оно съ внешней стороны сказывается не одинаково. И ученіе о подсознательномъ объясняетъ въ этой области цѣлый рядъ явлений очень ясно и просто, давая, обратно, возможность познать и иѣкоторыя стороны душевной дѣятельности въ нормальномъ состояніи.

С. Сухановъ.